

Михаил Михайлович Достоевский

**«Гроза». Драма в пяти
действиях А. Н. Островского**

Михаил Достоевский

**«Гроза». Драма в пяти
действиях А. Н. Островского**

«Public Domain»

1860

Достоевский М. М.

«Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского /
М. М. Достоевский — «Public Domain», 1860

«Нам предстоит трудная задача. Перед нами произведение писателя, который более всех других наших современных писателей возбуждал и даже и теперь еще возбуждает о себе самые противоречивые толки. Суждения о нем странны уже по своей крайней противуречивости; но значение их покажется еще страннее, если обратить внимание на то, что они исходят из одного и того же лагеря. Нисколько не было бы удивительно, если б о г. Островском расходились в мнениях, например, славянофилы с западниками. (Так как эти странные прозвища до сих пор существуют на самом деле в нашей жизни, то мы и называем их их собственными именами.) Это бы еще ничего: в чем согласны они между собою? Удивительны разноголосные мнения об одном и том же писателе в одном и том же стане, в одном и том же кружке, например, у западников...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Михаил Достоевский «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского

Нам предстоит трудная задача. Перед нами произведение писателя, который более всех других наших современных писателей возбуждал и даже и теперь еще возбуждает о себе самые противоречивые толки. Суждения о нем странны уже по своей крайней противуречивости; но значение их покажется еще страннее, если обратить внимание на то, что они исходят из одного и того же лагеря. Нисколько не было бы удивительно, если **бог**. Островском расходились в мнениях, например, славянофилы с западниками. (Так как эти странные прозвища до сих пор существуют на самом деле в нашей жизни, то мы и называем их их собственными именами.) Это бы еще ничего: в чем согласны они между собою? Удивительны разногласные мнения об одном и том же писателе в одном и том же стане, в одном и том же кружке, например, у западников. И какие еще разногласные. Давно ли нашему драматургу в одно время давали прозвища гостинодворского Коцебу, а в другое провозглашали его обличителем русских самодуров и восхищались им за это?¹ Еще недавно одна наиболее читаемая и достаточно западная у нас газета с неизреченною щедростью не отказывала в таланте – чуть ли еще не в некотором – автору «Грозы». Еще на днях другой, весьма уважаемый читающею публикою и не менее того западный критик поднимал на эту «Грозу» целую бурю, между тем как другие тоже очень западные органы отзывались о ней не без восторга, хотя и несколько сдержанно.² Одни в этой же пьесе наиболее ценят в г. Островском поэзию, другие порицают его не только за излишнюю верность природе, но даже за некоторый цинизм. Одним словом, выходит премилый концерт и преназидательный для будущего историка нашей современной литературы. Публика слушает этот концерт уже несколько лет сряду и ничего в нем не понимает. Один г. Островский его не слушает и идет себе своею ровной поэтической дорогой. И прекрасно делает.

У славянофилов этой разногласицы нет, потому ли, что у них в последнее время была одна только «Беседа»,³ или уже потому, что во многих наших вопросах они стоят на более твердой почве, чем их противники. Как ни обманчиво было их увлечение видеть в г. Островском поэта своих идей и принципов, мы уже ради одной справедливости должны сказать, что честь открытия г. Островского, как высокоталантливого писателя, принадлежит только им одним.

Многим, может быть, это покажется парадоксом, а между тем это так. Не спорим, что первое произведение г. Островского «Свои люди» встречено было западниками с необыкновенным увлечением, с единодушным восторгом. Но восторг этот потому именно и был единодушен, что в этой комедии г. Островский является еще далеко не самим собою, далеко не тем самобытным писателем, который так пленяет нас в позднейших своих комедиях и сценах. Тут за ним виднелся еще его славный предшественник, виднелась преднамеренная цель выставить то-то и то-то в известном свете, казнить другое. Тут еще горько смеется гоголевская сатира, с намерением бросается в глаза еще то, от чего поэт отказался впоследствии. Одним словом, тут еще нет той свободы, с которой поэт относится к действительности в позднейших своих пьесах. Помимо таланта, эта сатира, эта преднамеренная цель и заставили западников рукоплес-

¹ Выражение «*гостинодворский Коцебу*» появилось в эпиграмме Н. Ф. Щербины (1821–1869) «Четверостишие, сказанное близорукой завистью» (1853): Со взором пьяным, взглядом узким, Приобретенным в погребу, Себя зовет Шекспиром русским-Гостинодворский Коцебу. А. Ф. Коцебу (1761–1819) – немецкий драматург, автор верноподданнических пьес. «Обличителем русских самодуров» провозгласил Островского Добролюбов.

² Имеется в виду статья Н. Ф. Павлова и, вероятно, отзывы Панаева и Дудышкина (см. наст. издание).

³ Речь идет о журнале «Русская беседа», издававшемся в Москве в 1856–1860 гг., который, действительно, был органом славянофилов.

кать поэту. Талант ведь не спас его от охлаждения и брани этих же самых западников, когда явились более высокие по искусству произведения, как «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Бедная невеста», «Не так живи, как хочется». Все помнят это время, все читали отзывы, полные пренебрежения и даже брани разных петербургских газет и журналов.⁴ Да не повторяется ли то же самое еще и теперь, когда истина все более и более берет верх, и резкие приговоры должны бы, кажется, смягчиться, хоть уж перед очевидностью.

Но между тем, как все это происходило в Петербурге, Москва со своими славянофилами, с своим «Москвитянином»⁵; с своей «Беседой», наконец, не только оставалась одних и тех же мнений о г. Островском, но росла в любви и в удивлении к нему с каждой новой его пьесой. В особенности много, резко и долго вопиял в огромной пустыне один талантливый голос, который так же громко, хотя и менее резко, раздавался в последнее время за г. Островского и в петербургских журналах.⁶ Этому голосу принадлежит и та фраза, над которой в былое время так глумилась наша критика: Островский действительно *сказал новое слово*. Но об этом после.

Есть много причин всем этим колебаниям и противоречиям критики западников. Оставшись после смерти Белинского без главы, без авторитета, без центра, где бы вырабатывались и получали известный строй все разноголосные и крайне личные мнения, лишенная вдруг тона и лоска, которые ей давал наш незабвенный критик – критика западников вдруг распалась, раздробилась на маленькие кружки и на отдельные мнения. Верная памяти Белинского относительно прогресса и общественных принципов, она после него оказалась совершенно несостоятельной относительно эстетических. После него она не разъяснила ни одного эстетического вопроса, не осветила ни одной темной стороны искусства. В начале пятидесятых годов она ограничивалась одними историческими исследованиями и на этом пути точно оказала большие услуги. Потом она с жадностью бросилась на общественные вопросы: публицизм оттеснил эстетику на последний план. Не одно художественное произведение разбиралось с точки зрения утилитарных идей или общественных вопросов. Мы уже упомянули, что даже г. Островский, талант чисто художественный, разобран был недавно в одном журнале с точки зрения обличителя русских самодуров.

Вот это-то желание отыскивать и в произведениях г. Островского небывалую философию и предполагать в них преднамеренную цель, идею, и составляет, по нашему мнению, главнейшую причину этой разноголосицы, этих противоречивых мнений о разбираемом нами писателе. Критика западников на основании, может быть, одних пословиц, которыми большею частью названы комедии г. Островского, заподозрила в них какую-то допетровскую «философию», а автора в славянофильстве и в желании доказывать своими произведениями славянофильские убеждения. Мы не имеем удовольствия знать г. Островского, и потому нам неизвестно, славянофил ли он или западник, да, признаться, до этого нам и дела нет, тем более, что из пьес его, даже из самых ярких по заглавию, или по пословице, этого не видно. По нашему мнению, г. Островский в своих сочинениях не славянофил и не западник, а просто художник, глубокий знаток русской жизни и русского сердца. Может быть, и даже весьма вероятно, судя по заглавиям, г. Островский действительно хотел послужить славянофильству, но такое желание, как видно из самого дела, т. е. из сущности его произведений, ограничилось одними названиями или пословицами.

⁴ В критическом духе об указанных пьесах Островского писали в «Современнике» Н. Г. Чернышевский и анонимный рецензент «Отечественных записок» (вероятно, Дудышкин).

⁵ «Москвитянин» – журнал славянофильского направления, издававшийся в 1841–1856 гг. В нем восторженно писали об Островском А. Григорьев, Е. Эдельсон и др. С 1850 г. сам Островский входил в так называемую «молодую редакцию» «Москвитянина».

⁶ Речь идет о статье А. Григорьева «Русская литература в 1851 году» (Москвитянин. 1852. № 4), в которой критик, по поводу напечатанной в том же номере журнала комедии «Бедная невеста», писал о «новом слове», «новых надеждах для искусства». И впоследствии Григорьев не раз давал сходные оценки творчества Островского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.